

aller Reussen.⁸ Бок становится почетным членом Петербургской Академии Наук, в следующем году освобожден от контрибуции и пишет еще несколько од в честь Елизаветы, в которых выражает ужас при одной мысли о возможном, если бы не она, пресечении Петрова дома. Отойдя Кенигсберг к России, Бок без сомнения стал бы петербургским академиком и *Minerva afflante*⁹ продолжал бы до времен Екатерины II традицию Юнкера и Штелина. Мы имели бы третьего представителя придворно-профессорской немецкой оды в Петербурге.

Как понимать такую глубоко коррумпированность всех этих людей? Большинство из них были вовсе не худшими среди своих современников; все толково изучили свое дело, много трудились, любили поэзию, любили механизм стиха, изрядно знали несколько литератур; все, конечно, были карьеристами, но карьеризм интеллигентов из бюргерства был в эпоху абсолютизма повалью общим явлением, а самые талаштливые, которым как раз размер таланта помешал сделать карьеру, становились болезненно-яркими поэтами самой темы неудавшейся карьеры (Гюнтер), чем отрицательно подтверждали подавляюще важное значение вопроса о карьере для всех людей своей социальной группы. В Германии, в силу особо печальной классовой биографии немецкой буржуазии, это явление приняло особо одиозные черты, но явление было общеевропейским.

Первый серьезно поставил этот вопрос К. Боринский.¹⁰ Заслуга его заключалась в том, что он вывел вопрос из области нетрудных насмешек Гервинуса и Шерера, которые с высоты своего либерализма не находили достаточно презрительных слов для характеристики раболепия придворных поэтов. Боринский заговорил о типе «политического», как он выражался, человека, противоположном предшествующему типу «гуманиста». И тогда, в эпоху гуманизма, поэзия была близка к двору, «но разница состоит в том, что тогда двор стал ученым и поэтическим, а теперь ученость и поэзия стали придворными».¹¹ Перед нами вопрос, касающийся большого периода в истории европейской поэзии. Но Боринский чрезвычайно преувеличил роль испанского иезуита Грасиана, превратив его в создателя целого человеческого типа. Между тем еще раньше 1630 г. (дата «Героя», первого трактата Грасиана) появилась «Аргенида» Барклая (1621), одна из влиятельнейших книг эпохи абсолютизма, настольная книга Ришелье. Без учета «Аргениды» нам всегда будет не до конца понятна социальная позиция Корнеля, Буало, Фенелона, Опица, английских писателей-абсолютистов (при Якове I и Карле I), позднее Драйдена, Попа и вообще всех создателей европейского классицизма. «Аргенида» представляла полный свод абсолютистской морали.

⁸ «Самодержица всероссийская» (нем.).

⁹ «Вдохновенный Минервой» (лат.).

¹⁰ *Borinski K. Baltasar Gracian und die Hofliteratur in Deutschland.* Halle a. S., 1894.

¹¹ Там же, с. 108.